

располагается в текстовом пейзаже, в чаще частей речи, меж сорняков и междометий (пренебрегая громоздкими союзами), среди разнообразия глаголов, с отростками тире, с прутиками скобок в кустарнике оговорок и уточнений. О литературе так не говорят; кажется, что серьезность мысли и значительность предмета не позволяют появиться в тексте интимным ноткам, «мешковатым» домашним выражениям — у Лурье это оказывается возможным, и мнимое несоответствие ярко высвечивает оригинальную мысль и пластику разговорной речи — обе предстают неожиданной новостью. Не побоимся сказать — сделано открытие.

Умные подражатели (а они, без сомнения, еще появятся и есть уже) учтут и отрицательный опыт своего «ясновидца»-учителя. Нам уже приходилось прикладывать сказанное Лурье о великих тенях прошлого к нему самому. Сделаем это еще раз: «таких уроков не забывают, такой учитель непобедим...».

Елена НЕВЗГЛЯДОВА.

С.-Петербург.

ЧЕЛОВЕК С МОЛОТОЧКОМ

Борис Тарасов. Куда движется история? Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции. СПб., «Алетейя», 2002, 348 стр.

Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человека с молоточком нет...

А. П. Чехов, «Крыжовник».

«Писатель и литературовед, доктор филологических наук Б. Н. Тарасов широко известен по книгам „Паскаль“ (1979, 1982) и „Чаадаев“ (1986, 1990), изданных в серии „ЖЗЛ“. Большой интерес вызвали также его сборники статей „В мире человека“ (1986), „Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский“ (1999)» — так начинается аннотация к новой книге Бориса Николаевича Тарасова. И сразу хочется возразить — не широко известен. Или, точнее, — недостаточно широко известен. Одна моя знакомая, человек, которого уже несколько поколений¹ московских филологов знают, ценят и любят как свою первую наставницу, всегда говорит: «Если мне надо познакомить человека со здравым взглядом на самые основы русской культуры XIX века — я отсылаю его к книгам Тарасова». Это высказывание дает представление о нескольких качествах книг данного автора.

Во-первых, с них можно *начинать* знакомство с основами русской культуры — то есть они достаточно просты, доходчивы, фундаментальны и *начинают с начала*, не предполагая, что читатель должен быть специально подготовлен для их чтения. Автор не стесняется повторять многие важные положения по многу раз, вполне отдавая себе отчет, что в системе русской культуры то, что он говорит, — банальность, общее место; но это общее место слишком не общеизвестно, а эта банальность зачастую чересчур оригинальна для современного читателя.

Во-вторых, взгляд автора всегда (даже когда с ним приходится спорить по тем или иным частностям) *здрав* — что означает: он исследует то или иное явление русской культуры изнутри этой культуры², извлекая из нее самой принципы исследования и шкалу оценок, будучи плоть от плоти ее в своем мирозерцании, в

¹ Профессиональное поколение сменяется раз в пять-шесть лет: когда вырастают и начинают сами преподавать бывшие первокурсники.

² Еще одна банальность, требующая напоминания: русская культура — культура православная по корням и по почве, вся выросшая из православия, и сколь бы далеко она от него ни отступала в отдельных (или массовых) своих проявлениях — всегда воспринимавшаяся на его фоне, «читавшаяся» адекватно только в его системе.

своей иерархии ценностей, всегда ощущая под ногами *почву*, эту культуру взрастившую и питающую — даже и до сего дня, чему примером — и сам Тарасов. И поскольку почва эта здорова в основе своей, несмотря на все болезни, то человек, в мирозерцании своем на нее опирающийся, видя большое место и *ощущая* боль, не кричит (как многие и часто) от боли и ужаса, но *здорово* ставит диагноз, объясняет причины заболевания и старается указать пути к исцелению.

В-третьих, в любом частном явлении Тарасова занимает именно то, что связывает это явление с *основами* русской культуры, благодаря чему читатель сквозь частность всегда видит целое — и тогда, когда частность это целое выражает, и тогда, когда она его искажает.

Вот почему я и говорю, что Тарасов *не* широко известен: учитывая количество русских людей, не знакомых с русской культурой (причем *искренне* не знакомых — я не беру случай сознательного отторжения), его книги, во всяком случае — последние книга, должны были бы находить гораздо больше читателей.

Несмотря на то что «Куда движется история?» формально представляет собой сборник статей, написанных, очевидно, на протяжении не столь уж короткого времени, перед нами — именно книга, цельная прежде всего благодаря личности автора, его постоянному и пристальному вниманию к нескольким фундаментальным для русской культуры XIX века темам, волновавшим сердца и умы такой мощи и такого масштаба, что следить за разворачивающимся во времени собеседованием невозможно без захватывающего интереса. Интерес при этом возникает вовсе не абстрактный и не теоретический — речь идет о вещах, ставших в последние годы нашей жизни более чем насущными, — они нас не просто окружают, они на нас напирают, они требуют к себе внимания, они агрессивны, они не позволяют уже уклониться от встречи — и оказывается, что об этих вещах русские мыслители: писатели, поэты, философы — думали на протяжении всего — уже позапрошлого — века; а мы-то об этом забыли и не хотим вспоминать — потому что то, *что* они думали, то, *как* они думали, лишает нас ощущения нашей правоты, ощущения истинности происходящего с нами, заставляет нас видеть *лишние* вещи, выводит нас из привычной комфортной поверхностности мысли. Тарасов, «человек с молоточком», стучит и стучит цитатами из Пушкина и Достоевского, Чаадаева и Паскаля, Тютчева и Ясперса, Толстого и Бахтина, Герцена и Леонтьева, а вокруг по возможности стараются делать вид, что его нет...

Ну и действительно, он так же несвоевремен, как чеховский человек, призванный напоминать счастливым, что есть несчастье, сытым — что есть голод, самозабвенно живущим — что смерть не просто есть, но что она неизбежна. Еще хуже — он напоминает тем, кто только начал наедаться, что сытость — это не цель и что даже в качестве средства она более чем сомнительна. Он говорит о вреде гедонизма тем, кто только что высвободился из пут насильственного служения и непрерывного самопожертвования во имя ложных целей (другое дело, что ложные цели были поставлены все тем же материалистическим и гедонистическим мировоззрением). Он говорит тем, кто еще недавно месяцами не получал зарплаты, «что общество со всеми своими прогрессивными конституциями и учреждениями, ставящее во главу угла исключительно материальное процветание и благополучие, незаметно для самого себя морально деградирует», — и он прав, потому, что можно еще не начать получать зарплату вовремя — и уже начать морально деградировать, стоит только в уме и сердце *верховой* ценностью поставить материальное процветание. Он напоминает тем, кто только что с облегчением пережил реабилитацию «естественных» свойств и стремлений человеческой природы, что, в свете памяти о первородном грехе, человеческая природа изначально извращена и всякое ее «естественное» стремление неестественно.

Он убеждает тех, кого с детства приучили мечтать о счастье, что счастье, о котором они мечтают, есть лишь исключительная привязанность к некой поверхностной части бытия³, тленной и преходящей, ограничивающей человека и затягивающей его в ту же бездну небытия, в которой исчезает сама.

³ Этимология слова, которую предлагает Тарасов (счастье — от «часть»), вряд ли убедительна: слово это не только в русском языке связано с указанием на *момент времени* — «сей-

Цитируя Достоевского, он убеждает только что дорвавшихся до «материальных благ», что «осыпанность счастьем и зарытость в материальных благах не только не освобождают сознание человека от повседневных забот для занятий „высшим“, не только не делают его прекрасным и праведным, но, напротив, гасят в нем само представление о нравственном совершенствовании и способствуют превращению лика человеческого в „скотский образ раба“... что полное и скорое утоление „низших“ потребностей снижает духовную высоту человека, невольно и незаметно приковывает его еще сильнее к узкой сфере самоценного умножения чисто внешних форм жизни, ведущих к культивированию многосторонности насладительных ощущений и связанных с ними „бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок“. Все это оборачивается в свою очередь наращиванием самых сугубо материальных потребностей, наркотически насыщаемых разнородными вещами, что делает человека пленником собственных ощущений». При этом, читая как Тарасова, так и тех, чьими цитатами он пытается потрясти и сокрушить наше блаженное забвение, необходимо помнить, что ни он, ни они по большей части не употребляют метафор: так и в данном случае «плен» есть точное указание на состояние человека, отгороженного собственными ощущениями от реальности, запертого ими в своих собственных пределах — и обреченного на одиночество. Солипсизм оказывается не абстрактной философией, но способом существования человека, сосредоточенного на материальном и стремящегося к самоулаждению. Анализ этого способа существования посвящены в книге статьи о повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

Цитируя Паскаля, Тарасов стремится показать людям, не мыслящим себя без телевизора, коварную роль развлечения, «широко понимаемого Паскалем как псевдоактивное и мистифицирующее средство, мешающее личности видеть свое подлинное положение, уменьшающее напряженность между нищетой и величием ее существования, как всякая мнимая активность, ведущая к созданию ложных ценностей и забвению онтологического несовершенства человека. По мнению французского философа, развлечение является основной движущей силой иллюзорно счастливой поверхностной жизни и прикрывает в сознании глубину главных вопросов. Человек, размышляет он, не может оставаться в покое у себя дома, ибо в покое ему пришлось бы задуматься над неизбежными несчастьями, над своим жалким положением, над смертью, мысль о которой невыносима. „Поэтому ищут не тихого и кроткого зания, которое дает возможность думать о нашем несчастном положении, а той сутолоки, которая отвращает от мыслей о нем и развлекает нас“. Сознание постоянных горестей питает инстинкт, заставляющий человека искать развлечений и занятий вне себя. И важен не результат этих развлечений и занятий, а самый процесс, отвлекающий от размышлений о себе. Так охотник ищет охоты, а не добычи, карьерист — скорее не должности, а волнений и тревог, которые избавили бы от вида окружающих несчастий, игрок — не только выигрыша, но и забавы. „Единственная вещь, утешающая нас в несчастьях, — это развлечение, а между тем оно является самым большим из наших несчастий. Ибо оно главным образом мешает нам размышлять о себе и незаметно губит. Без него мы очутились бы среди тоски, а эта тоска принуждала бы нас искать более действенного средства выйти из нее. Но развлечение забавляет нас и заставляет совершенно незаметно приближаться к смерти“».

Цитируя Толстого, Тарасов, по сути, объясняет тем нашим старикам, кто долгие годы проводит в тесноте и сутолоке поликлиник и больниц в тщетной надежде «вовремя захватить болезнь» — и вылечиться от старости, что вынуждает их к такому бесплодному времяпрепровождению, отрывая от внуков и правнуков, от помо-

час»; во французском языке, например, счастье — однокоренное слово со словом «час», в английском — связано с глаголом «происходить, случаться», и т. д. Счастье, с точки зрения такой этимологии, двойственная категория: с одной стороны, это привязанность к текущему, сейчас происходящему, — скажем, вопреки памятованию о вечном и устремлению к нему, что и имеет в виду Тарасов в своем определении; с другой стороны — это может быть прорыв сквозь временное к вечному, полное присутствие вечности в мгновении, соединение с вечностью через мгновение, полнота бытия в едином миге — что и дает человеку ощутить счастье — сейчас-бытие. Но последний случай Тарасов в виду не имеет.

щи детям, от заботы о вечном: «Толстой записал однажды: „Страх смерти тем больше, чем хуже жизнь, и наоборот. При совсем дурной жизни страх смерти ужасен...”» Вслед за Толстым он напоминает тем, для кого *всякое* упоминание о смерти есть faux pas: «Мысли о смерти нужны только для жизни, поскольку именно то или иное отношение человека к смерти определяет качество его жизни и возможность нахождения ее смысла».

Следуя за мыслью Ап. Григорьева, Тарасов вопреки такому удобному мифу о «вненациональной» науке и политике, цивилизации, создающей вненациональные «культурные» симулякры, утверждает, что «и социальное творчество, и индивидуальное поведение, и научная деятельность, и художественные открытия незримо несут на себе отпечаток своеобразия той или иной народности».

Можно продолжать бесконечно. Но не лучше ли читателю заглянуть в саму книгу, ведь, напоминает нам ее автор слова Пушкина, «следить за мыслями великого человека есть одно из самых увлекательных и полезных занятий», а здесь нам предлагает вместе пройти путем замечательных мыслителей опытный вожатый.

Закljučая рецензию на книгу Тарасова, можно — для характеристики ее автора — повторить приведенные в ней слова Герцена о Милле: «Он видит, что вырабатываются общие, стадные типы, и, серьезно качая головой, говорит своим современникам: „Остановитесь, одумайтесь! Знаете ли, куда вы идете? Посмотрите — душа убывает”».

Татьяна КАСАТКИНА.

КНИЖНАЯ ПОЛКА АНДРЕЯ ВАСИЛЕВСКОГО

+6

А. Горянин. Мифы о России и дух нации. М., «Pentagraphics», 2002, 356 стр.

«Практически любой миф о России, который сегодня упоминается походя, как нечто само собой разумеющееся, разрушается, если углубиться в историю по-настоящему, — считает автор книги, географ по образованию, доцент Центра по изучению России Российского университета дружбы народов (беседу с ним см.: „Огонек”, 2002, № 26, июнь). — Причем разрушаются и „левые”, и „правые” мифы...»

Горянин методично опровергает общепринятые мнения о том, что у нас никогда не ценили человеческую жизнь, а вот на Западе она всегда была святыней; о том, что человек у нас всегда был беден и бесправен — особенно по сравнению все с тем же благословенным Западом, — что жизнь его всегда была безрадостна и беспросветна, о безмолвии и покорности русского народа. Особенно — о том, что освобождение от коммунизма обернулось для России катастрофой.

Горянин утверждает, что все обстоит ровно наоборот: *на российском информационном поле мы имеем дело с грандиозной мистификацией относительно реального положения дел в стране.* «<...> уже никто не определит, например, сколько молодых семей не завели ребенка (или еще одного ребенка) не потому, что не могли себе это позволить или не хотели, а потому, что каждый день читали и слышали про скорые и неминуемые социальные взрывы, новые чернобыли, грядущий распад страны, угрозу голода и повальной эпидемии СПИДа, близкий коммунистический реванш, возвращение чекистов, нашествие китайцев, пришествие баркашовцев и прочие ужасы».

На деле все гораздо *лучше*, чем пишут. Мы удивительно дешево заплатили за освобождение от коммунизма. Россия обречена на успех: *мы можем все.* Бодрая такая книжка.

А теперь о смешном. Известный Борис Парамонов, комментируя по радио «Свобода» <<http://www.svoboda.org>> в июне с. г. книгу Горянина, сказал буквально